

**Вербальная репрезентация ментального представления
о своем близком пространстве
(диахронический и лингвокультурологический аспекты)**

Проблема ментальных и вербальных репрезентаций была и остается одной из центральных в когнитивной лингвистике, когнитивной науке, занимающейся исследованием сознания на материале языка.

Для современных отечественных и зарубежных лингвистов не теряют своей актуальности вопросы о том, какими типами знания и в какой форме обладает человек, как оно представлено в его сознании, каким образом он оперирует им: использует и передает дальше посредством языка.

Целью данной статьи является содействие в разработке этих вопросов в *диахроническом аспекте*.

Проблему ментальных репрезентаций и их языковых объективаций мы рассматриваем на примере анализа концепта «пространство», который в рамках лингвокогнитивного подхода мыслится как своеобразный фокус знаний о мире, ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности общества и несущее комплексную энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету, результат процесса концептуализации, протекающего в ходе познавательной деятельности человека, когда его сознание выделяет в объективной действительности некоторую отдельную область, сферу, осмысляет ее, выделяет ее отличительные признаки и подводит ее под определенный класс явлений.

С лингвокультурологической позиции концепт – коллективное содержательное ментальное образование, фиксирующее своеобразие культуры определенной эпохи и отличающееся от других ментальных образований наличием в своей структуре ценностного признака. Лингвокультурологический подход опирается на идею о кумулятивной (накопительной) функции языка, благодаря которой в нем отражается, хранится и передается опыт народа, его мировидение и мироощущение.

Лингвокогнитивный и лингвокультурологический подходы к пониманию концепта не являются взаимоисключающими. Концепт как ментальное образование в сознании индивида есть выход на концептосферу социума и тем самым на культуру, а концепт как единица культуры есть фиксация коллективного опыта, который становится достоянием индивида [Карасик 2002: 20-23].

Анализируя концепт «пространство», мы исходим из понимания категории пространства как культурной универсалии, всегда находящей отражение в человеческом мирозерцании и играющей основополагающую роль в восприятии человеком окружающей объективной действительности.

Понимание и восприятие пространства зависит от мировоззрения, складывающегося в определенную эпоху, детерминированного уровнем развития материальной культуры, господствующей формой религии, своеобразием правовых отношений, социальными условиями, материальными и нравственными ценностями и др.

Исходя из вышеописанного представления о пространстве, *концепт «пространство»* можно охарактеризовать как универсальный, национально-специфичный и исторически обусловленный.

Для описания параметров пространства в лингвокультурологии выработан такой способ, как *анализ бинарных оппозиций* [Цивьян 2005: 5-8].

Для анализа вертикального и горизонтального пространства основными являются оппозиции *«верх-низ»* и *«внутренний-внешний»*. Последняя

включает противопоставления «закрытый-открытый», «близкий-далекий», «свой-чужой» / «этот мир-иной мир», «хороший-плохой».

Оппозиция «верх-низ» представляет наиболее важную в физическом и психологическом плане пространственную категорию – **вертикаль**.

С точки зрения мифологии, вертикаль мыслится как мировая ось, представляющая собой центр мира, модель мироздания, его вертикальную проекцию.

При трехчастном членении мировой оси устанавливаются основные сообщающиеся между собой зоны – верхняя, средняя, нижняя.

Будучи ограниченными рамками статьи, остановимся на рассмотрении **срединного пространства**.

По мнению Т.В. Топоровой, оно представляет собой не только центральную точку на вертикальной оси, оно также является протяженным по горизонтали, образуя противопоставление «внутренний (центр) – внешний», из чего следует его важная особенность – участие в двойной системе оппозиций [Топорова 1994: 110] (схема 1).

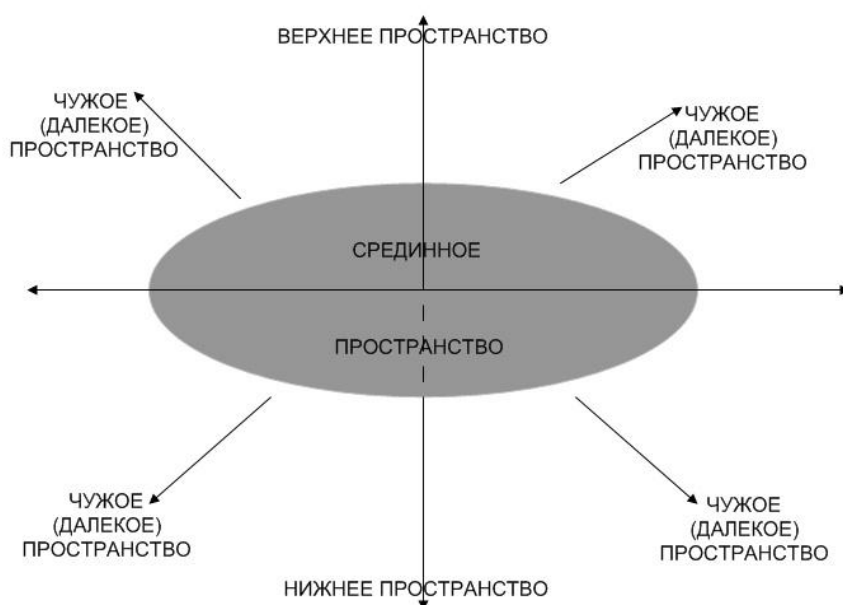

схема 1

Отправным пунктом рассмотрения вербальной репрезентации ментального представления о срединном пространстве стало основное положение теории семантико-когнитивного анализа концептов,

закрывающееся в том, что семантические компоненты, выделенные в структуре значения соответствующих языковых единиц, репрезентируют определенные когнитивные дифференциальные признаки (КДП)¹, которые на ментальном уровне отражают характерные черты, свойственные срединному пространству.

К таким КДП относятся дифференциальные признаки «центр», «огороженное место», «круг», «замкнутость», «пространство, населенное людьми», «обжитость / окультуренность (возделывание)», «(неразрывная) связь с верхним и нижним миром» (двн. парная формула *himil endi erda* «небо и земля») и «противопоставление срединного пространства верхнему и нижнему миру», также «защита», «положительная оценка», «собственность» («правовой характер пространства»).

Семантико-этимологический анализ позволяет говорить о вербализации в лексемах с общим значением «(срединное) пространство, населенное людьми» также таких когнитивных признаков, как, с одной стороны, КДП «(неразрывная) связь с верхним и нижним миром» (в представлении человека дохристианской эпохи), а с другой, о КДП «противопоставление срединного пространства верхнему и нижнему миру» (это характерно для христианского мировоззрения). Сопоставляя выявленные когнитивные признаки, предполагаем, что значимость срединного пространства как священного и сакрального, что было актуально для дохристианского сознания, несколько утрачена с принятием христианской веры, в противопоставление срединному; абсолютной значимостью и ценностью обладает верхнее пространство.

Важнейшей точкой срединного, своего пространства, обладающей наибольшей степенью аксиологической значимости, является центр. Степень чуждости возрастает по мере удаления от центра (человек → дом → двор → село → поле → лес), «свое» (культурное) пространство через ряд границ

¹ когнитивный дифференциальный признак (КДП) – это отдельный признак объекта, осознанный человеком и отображенный в структуре соответствующего концепта как отдельный элемент его содержания

переходит в «чужое» (природное), которое в свою очередь граничит или отождествляется с потусторонним миром [Выходцева 2006: 34].

В центре находятся наиболее важные – культовые, административные – здания. Чем дальше от центра, тем менее ценимые социальные группы там располагаются. Те, кто находится ниже черты социальной ценности, помещаются на границе предместья (предместье – «перед местом», перед городом, т.е. на его пограничной черте) [Лотман 2000: 265-266].

Центральную точку «своего» пространства представляет собой жилище человека, рассматриваемое Ю.М. Лотманом как «безопасное, культурное, охраняемое покровительственными богами» пространство [Лотман 2000: 313].

Сакральному и важному в правовом отношении центру-дому противопоставляется область, находящаяся в его непосредственной близости (в нашей терминологии **«периферийная область «своего» пространства»**) и обозначаемая корневой лексемой двн., свн. *hof*, а также ее производными и сложными существительными.

Возможность рассмотрения наряду с двн., свн. *hûs* также двн., свн. *hof* в качестве языкового репрезентанта своего пространства подтверждается использованием обеих лексем в качестве конституирующих парной формулы *hof und hûs / hûs unde hof (PWB)*. Исходя из значения данного устойчивого выражения («владение») можно предположить, что посредством рассматриваемого фразеологизма происходила вербализация такого важного когнитивного признака «своего» как «обладание / правовое владение пространством». (ср. нвн. устойчивое выражение *weder Haus noch Hof haben* со значением «не иметь ни кола, ни двора»).

В основе слова лежит и.-е. корень **keup-*, **kûp-*, **keu-*, **keus* со значением «гнуть, ложбина, выбоина», порождающий герм. **keu-*, от которого развиваются помимо двн., свн. *hof*, также двн. *houg*, свн. *houc* «холм» и южн.-нем. *Hübel* «возвышенность, холм» (ср. норв. *hov* «холм»). Общее происхождение этих слов объясняется стремлением человека селиться

в относительно возвышенных местах, защищая себя от наводнения и других природных стихий. Располагаясь на возвышенности, двор предназначался и для отправления религиозных культов (ср. осет. *kivun* «молиться», др.-исл., др.-скан., а также англосак. *hof* «храм (с крышей)»).

Предположительно, корень, из которого развивалось слово со значением «двор», имел также следующие значения: «стена здания, обмазанная глиной или сплетенная из веток»; «ограда вокруг жилого комплекса», «огороженное пространство» (ср. греч. *kurai* – «огороженное деревянное жилище»), из чего следует, что двор не только располагался на возвышенности, но и обносился оградой (согласно данным этимологических словарей двн., свн. *hof* «ограждение в форме круга»).

Двн., свн. лексема *hof* могла описывать также и возделываемую землю с расположенными на ней хозяйственными постройками, в частности, например, *Grubenhäuser*, *Grubenhütten* (углубления в земле, имевшие крышу, которая почти касалась земли, на смену которым со временем пришли более прочные и практичные *Pfahlspeicher* [Uslar 1975: 67]).

Итак, названные компоненты значения лексемы *hof* реализуют когнитивные признаки, позволяющие выделить следующие особенности рассматриваемого пространства: это свое пространство отдельной семьи / рода, расположенное на возвышенности, обязательно укрепленное, отгороженное от остальной территории и застроенное надворными сооружениями.

Семантико-этимологический анализ лексемы, выявляющий процесс расширения значения слова, свидетельствует о появлении в ее концептуальном содержании когнитивного признака «социальное». В свн. *hof* – это княжеский двор / резиденция князя, короля (значение развивается под влиянием др.-фр. *cort*, фр. *cour* ← лат. *cortis*, *curbus*), ср. употребление в этом значении сложных лексем с определяемым компонентом *-hof*: *frônohof/der hof vrôn* (свн. *vrôn* «великолепие, величие»), так же *selihof / sælihof* – «господский двор, (сам князь и его окружение)» (компонент *seli-* / *sæli-* ←

двн. *selidôn* «предоставлять кому-либо жилье», *geselidôt sîn* «жить», *giselidôn* «селиться, обосноваться», др.-англ. *sedel* «жилье»).

Как на территории своего пространства дома, так и на территории своего пространства двора человек находит защиту и поддержку, покидая его, он их лишается, что отражено в устойчивом выражении *Wer den Hof verlässt, den verlässt der Hof* (SWL).

Для выражения в языке концепта своего пространства, расположенного в непосредственной близости от центра, используется двн. *huoba*, свн. *huobe*, *hufe* «маленький двор», «участок земли определенной площади» (ср. греч. *kepos*, *karos* «сад», «огороженная поросшая травой, не обрабатываемая земля», алб. *kopsth* «сад», и.-е. **kap-*, **kəp-* «земельный участок»). Кроме того, высказывается предположение относительно родства греч. *kepos* «сад, огороженный обрабатываемый участок земли» с лексемой *kuōpti* «убирать, чистить, собирать урожай». Расчистка была необходимым условием начинающейся обработки земли. В связи с этим в качестве исходного значения лексемы рассматривается «подготовленная (для возделывания) земля» (EWK).

Судить о значимых свойствах и признаках прилегающего к дому пространства двора нам позволяют выделенные на основе семантического анализа следующие КДП: «возвышенность», «близкий», «ограждение», «сакральность» (← усадьба-модель вселенной), «окультуренность», «открытость», «право», «деятельность». На их основе выводимы следующие параметры, положенные в основу категоризации пространства двора: ККП «расположение относительно центра», «религиозная значимость» (другими словами, аксиологический, деятельностно-правовой, функциональный признаки).

По мере развития общества все более значимым становится правовой аспект, вследствие чего особую значимость среди других дифференциальных признаков приобретает КДП «собственность». Релевантными остаются КДП «возделываемая земля», «хозяйственные постройки», которые наряду с

некоторыми другими лежат в основе таких параметров категоризации рассматриваемого объекта, как: «степень освоенности», «форма окультуривания», «форма собственности».

Следующая периферийная область – **своя обрабатываемая земля**, расположенная вблизи жилища, обозначаемая двн., свн. *land*, двн. *ackar*, свн. *acker* (а также производными двн. *ackarlîn* – «небольшой обрабатываемый участок» и составными *pauacker*, *ackerbuwung* – «возделывание земли / земледелие»), двн., свн. *rûm*, свн. *art*, *artlant*, а также двн. *huobi*, его производным *huohilin* – «небольшое (возделываемое) поле, пашня» и составным *huobastat*. К лексике, репрезентирующей в языке названную область пространства, относятся также двн. *niuwibruht* – «новое (возделываемое) поле, пашня, пахотная земля», *riuti*, *niuwigiriuti* «раскорчеванный участок, новь», свн. *vurch* – «(возделываемое) поле» и др.

В качестве наиболее значимых когнитивных признаков ментального представления этой части своего пространства можно выделить следующие:

1) КДП «окультуренность, обработанность человеком». Изначально прилегающие и окружающие дом и двор территории (часто также за пределами поселений) представляли собой пастбища (и.-е. **ag* со значением «пасти», и.-е. *agros* «необрабатываемая земля для выгона скота» (DHW)). Активное освоение природы, отвоевывание чужого пространства с целью расширения площади своего происходит в 6-10 вв. Расчистке (двн. *rûm*, свн. *rûm* «свободное место», двн. *rûm(m)an*, свн. *rûmen* «освободить место», и.-е. **reu-*, **ru-* «открытое пространство», нвн. *räumen* «корчевать, расчищать под пашню участок»), дальнейшему окультуриванию и возделыванию подвергалась также территория лесных насаждений, о чем свидетельствует другой репрезентант названного КДП – двн., свн. *land* и его производное *gilenti*, а также сложные лексемы с этой основой *niuwigilenti*, *niuwilentîgi* – «расчищенная под пашню земля». Исходным значением лексемы является «поле, освобожденное от леса корчеванием» / «свободная земля» (EWK), (ср. др.-сканд. *lundr* «дерево, лесок», рус. *ljada* «целина, поле, освобожденное от

леса корчеванием», и.-е. **lem-* «ломать», церк.-слав. *lemešī* «плуг», латыш. *lemesis* «лемех плуга»). Обрабатывая, окультуривая лесную территорию, люди не только вырубали лес, но и сжигали оставшееся (подсечная огневая система лесного земледелия, и.-герм. **pel-* «жечь, гореть», ср. кельтск. **magas* «поле», рус. диал. *смага* «огонь»). Понятие «выжженное пространство (леса)» также легло в основу наименования своего возделываемого участка земли (герм. **felþa*, **fuldô* «земля, почва», двн. *feld*, ср. двн *gefilde*, *waldfeld* «дикое / заросшее поле»).

Необходимость обработки диких земель была продиктована потребностью окончательно осевшего на одном месте человека получить количество продовольствия, достаточного для пропитания.

2) КДП «(совместная) деятельность людей по созданию и поддержанию этого пространства» (и.-е. **ag-* «собирать(ся)» → и.-е. **agros* «место, где состоялись собрания», греч. *agora* «место собрания, сбора людей» → «место, где собирали урожай»). Обозначение лексемой двн. *art* обрабатываемого участка (ср. др.-англ. *aerd* «обрабатываемая почва») – результат смены денотата, следствие метонимического переноса обозначения с деятельности, направленной на возделывание земли, на этот участок (герм. **ardi-* «пахать, возделывать землю», двн. *arôn* «обрабатывать, пахать землю», лат. *arare*, греч. *aroein* «собирать урожай», рус. *орать* «вспахивать»). Вербализацию этого КДП находим и на фразеологическом уровне в двн. устойчивом выражении *zi ackere gangan* – «работать в поле».

Как свидетельствует фразеология, результаты деятельности по возделыванию земельного участка прямо пропорциональны затраченным усилиям, ср. *Wer den Acker pflegt, den pflegt den Acker (SWL)*, также *Wo der Acker leidet Not, fehlt's dem Bauern bald an Brot (SWL)*. *Wer wissentlich eines anderen Land errt, verliert seine Arbeit (DRW)* – кто возделывает чужой участок, тот не может рассчитывать на урожай.

3) КДП «защита». Необходимость защищать возделываемую территорию способствует появлению вокруг нее ограждения (герм. **ager-n* «огороженное место», ср. греч. *agōn* «огороженное место битвы»)

4) КДП «наделение правом собственности». Наличие этого когнитивного признака связано, по нашему мнению, с тем, что в пределах своего рассматриваемого пространства (возделываемый участок и все, что на нем) становится возможно получить некие права и полномочия, ср. *Was noch auf dem Acker steht, folgt dem Erbe* (DRW).

Такой участок обозначался также двн. *lant*. В свн. *lant* – область, на которую распространялось право владения (ср. свн. *land unde liute* (PWB) «вся страна» (свн. *liute und lant*), также *Mit Recht und Gericht erhält man Land und Leute* (DRW), *Wo Recht und Sitte wenden, wendet auch der Herr mit Land und Leuten* (DRW)), именно из этого значения развивается значение «государство», которое в нвн. становится доминирующим. Языковая реализация КДП «наделение правом собственности» прослеживается также во фразеологизме *Wer außer Landes ist, den kann niemand verlustig machen* (DRW).

5) КДП «родина, родная сторона», противопоставляемая чужой, далекой, вербально реализуется в двн., свн. *lant* и ее производной свн. *inlende*, свн. *inlentic* – «дома, у себя в стране» (ср. свн. *ûzland* «территория, лежащая за границей», снн. *ûtland* – «территория по ту сторону от вала / (искусственно созданного защитного (земляного) сооружения)», *ûzlendisich, ûzlentic* «чужой, из чужой земли»), также с помощью двн. *gegende/ gegenôte* (нвн. «пространство, лежащее перед глазами, недалеко», «земля, лежащая напротив (относительно наблюдающего)» ← *gegen* «против» ← **contrata* «лежащая напротив область» ← лат. *contrâ* «против», ср. фр. *contree* «местность, ландшафт», итал. *contrada* «местность»).

На наш взгляд, реализация обозначенного когнитивного дифференциального признака происходит также посредством лексемы свн. *gevilde* в устойчивом выражении свн. *wald unde gevilde* (PWB) (ср. *Wald, feld*

und heide (PWB), а также *Dem König die Erde, dem Bauern das Holz* (DRW). Но более важно и интересно то, что в приведенном выражении присутствует противопоставление рассматриваемого КДП когнитивному дифференциальному признаку «чужой», вербализованному лексемой *wald*, а также «неокультуренный», выражаемый посредством *heide*. Интеграция трех противоположных концептуальных признаков в одном выражении лежит в основе ментального представления о целостном пространстве, окружающем человека: выражение имеет значение «вся страна / местность».

6) КДП «граница». Периферийная зона своего пространства, выступая в своей главной функции – обеспечить человека продуктами питания, выполняет вспомогательную роль границы. В теории о концентрических кругах бытия / пространства эта территория представляет последний круг от центра, за которым расположена чужая земля. В обозначении местонахождения человека «за полем» (ср. в устойчивом выражении *er ist über feld* (PWB)), подчеркивается его нахождение в не-своем пространстве («он не дома / его нет дома»). Более того, как следует из фразеологизма *in velde und in dorpe* (DRW), который явно строится на антонимическом противопоставлении, пространство, обозначаемое *velde* – это пространство, лежащее за границей поселения *dorpe*, а значит, предположительно расцениваемое как чужое.

7) КДП «мирное существование» → «процветание». Наличие этого когнитивного признака выводится нами из фразеологизма *Friede düngt den Acker wohl* (SWL), который дословно может быть истолкован так: в условиях мирного существования происходит интенсивное развитие хозяйства, в том числе земледелия, мир способствует процветанию и т.п.

Перечисленные выше когнитивные дифференциальные признаки отражают соответствующие свойства и характеристики своего обрабатываемого пространства. Изначально наиболее значимыми являются те, которые отражают сам процесс окультуривания, защиты своего обрабатываемого участка земли, противопоставление его чужому (как

принадлежащего соседям, так и ничьему, расположенному за лесом, оградой поселения и т.п.), четкая маркировка границ. С развитием земледелия и освоением земли менее актуальным становится противопоставление своего как обработанного не-своему, некультуренному, но большую роль начинает играть правовой аспект и все, что с ним связано

Следующим шагом анализа становится рассмотрение вербальной репрезентации ментального представления **своего пространства, взятого в широком смысле**, т.е. своего в коллективном восприятии.

Оно представлено в первую очередь лексемой двн. *burg*, свн. *burc* «крепость, замок, город», а также ее производными, напр. двн. *foraburgi* «пригород, предместье» и сложными с этой основой, напр. двн. *burgselda* – «город (как место жительства)». Этимологическое сходство двн. *burg*, свн. *burc* с двн. *berg*, свн. *berc* дает основание предполагать, что первые поселения представляли собой укрепленную возвышенность (ср. также кельт. **brig* «холм», др.-ирл. *brí* «холм», др.-исл. *bjarg* «гора, скала», *borg* «возвышенность, гора, крепость», др.-инд. *pur* «укрепление, крепость» и *brhant* «высокий» крепость», поздн. лат. *burgus* «башня крепости», греч. *pyrgos* «башня»; в основе названных германских и негерманских основ лежит и.-е. *b(h)erg(h)*- «крепость, укрепление», а также «высокий, гора»).

Традиция строительства крепостей на возвышенностях сохраняется во всех ранних индоевропейских традициях. В доисторической Европе также производится строительства укрепленных городищ на вершинах холмов. Культурное значение горы подтверждается многочисленными топонимами, напр. *Wodensberg* – букв. «гора Водана» под Бонном, многочисленные горы Доннара (нем. *Donnersberg*, норв. *Torshaug*) Экстраординарную роль горы в области права древних германцев верифицирует организация народного собрания – тинга на естественных или искусственно возведенных возвышениях. В одном ряду можно поместить юридические термины др.-исл. *logberg* «гора закона», франк. *malberg* «гора говорения», др.-англ. *Madehurst*←*mæðel-hurst* «холм говорящего» [Гамкрелидзе, Иванов: 1984].

Значение «укрепленная возвышенность» рассматриваемой лексемы сменяется значением «крепость», что предполагало параллельное существование в составе значения семы «укрепленный (земляными валами), защищенный, (сначала деревянными, а потом каменными стенами)», ср. двн. *piporgēn* «защищаться». На наличие семы «защищенный» в семантической структуре слова указывает словарь Ф. Клуге, рассматривая такое значение слова, как «*Fliehbürg*», то есть, *Bürg* – поселение как укрепленное место, где можно было найти укрытие и спасение.

Итак, словом обозначалась расположенная на возвышенности крепость, укрепленное поселение, убежище (ср. *bergen*, т.е. лексема вербально объективирует такие когнитивные признаки, как «укрытие, защита»). Во времена Каролингов так называли жилые хорошо укрепленные сооружения, где проживал благородный господин, а также прилегающий к ним двор.

Главное здание крепости с залом, предназначенное для приема гостей и устройства трапез и праздников, а затем резиденции церковного или светского князя, описывает с конца 12 в. свн. лексема *palas*, заимствованная из латыни (лат. *palatium* «императорский двор»), где изначально являлась именем собственным.

Лат. *palâtium* - название одного из семи холмов, на которых расположен Рим, также имя собственное *mōns palâtinus* – название горы, на которой располагался дом, а также правительственная резиденция императора Августина и его преемников. По мере развития совершается переход слова из разряда личных имен в разряд нарицательных (DHW).

В том же значении – «резиденция короля или кайзера» – употребляется лексема двн. *pfalanza*, свн. *pfalz*, которая пришла из вульгарной латыни (лат. *palantia* «княжеский дом, двор, замок») и использовалась в качестве параллельной формы к поздн. лат. слову *palatial*. Вследствие расширения значения лексема стала описывать землю, которую предоставляли в чье-либо распоряжение как феодал, т.е., землю, которой владеет пфальцграф, область, управляемую пфальцграфом.

На примере лексем двн. *phalinza* / *pfalanza* / *palinzhûs* / *pfaliz*, свн. *pfalz*, свн. *palas* наблюдаем языковую реализацию когнитивного признака «замкнутый», «функционально разделенный», преломляемого в сознании через призму социального (речь идет о главном сооружении / здании крепости *короля* или *князя*, позже его официальной резиденции). Поскольку в распоряжении господина находился не только замок и прилегающие к нему хозяйственные постройки, но и земля, на которой все это располагалось, то перенос наименования с части (постройки) на целое (землю, находящуюся в распоряжении господина) – это касается двн. *pfalanza*, свн. *pfalz* – логичен. В этом значении лексема включает в себя семантические компоненты, посредством которых реализуются такие когнитивные признаки, как «свой», «открытый», «собственный», «власть».

В рассмотренном выше примере название крепости двн. *burg*, свн. *burc* было перенесено на подвластную князю территорию, в частности, располагавшийся у стен крепости город (DWG). С развитием правовых и социальных отношений значение «город» становится основным. В языке сохранилось множество имен собственных с компонентом *-burg*: *Strassburg*, *Regensburg*, *Augsburg*. С 12 в. в связи с резким увеличением числа крепостей в целях защиты от военных нападений *burc* в значении «город» интенсивно начинает вытесняться лексемой *stat*.

В устойчивых выражениях *burc unde lant*, *lant unde burc* (PWB) *burc* употребляется, на наш взгляд, в значении «крепость / город». В сочетании с *lant* лексема служит для передачи значения «вся страна». Во фразеологизме *burc unde stat* (PWB) («все здания, поселения») также видим выражение членами социума представления своего пространства как некоторой совокупности зданий и поселений, как своих, наполняющих и конституирующих пространство.

Укрепление, местность, населенный пункт обозначали также двн., свн. *kastel* (лат. *castellum* «крепость» ← лат. *castrum* – «военный лагерь с земляным укреплением и рвом (окопом)»). Такие поселения с 8 в. строили

либо в военных целях в стратегически важных пунктах или на пересечении важных транспортных путей. Г. Дёблер, описывая *kastell* как римский военный лагерь, отмечает, что он как любое другое людское поселение повторяет космический порядок [Döbler 1975: 169-172].

Значение «замок» развилось под влиянием французского языка, сема «населенный пункт» уходит на задний план, уступая место семе «защита», «защищенное место». Соответственно, как в случае с *burg*, более эксплицированным оказывается когнитивный признак «защита», менее – «совместное проживание членов одной социальной группы на своей территории».

В качестве языкового репрезентанта своего пространства в широком значении рассмотрим двн., свн. *dorf*. Слово восходит к герм. **þurpa* «деревня», «возделываемая земля», «подворье», и.-е. **treb-* «деревянный дом, здание». В этом же значении употребляются однокоренные германские лексемы, напр. др.-сканд. *þorp* «дом, крестьянский дом, деревня, усадьба», гот. *þaurp* «поле, возделываемый участок земли», а также слова негерманского происхождения, напр. лат. *trabs* «корень дерева, балка, брус», кимрск. *didref* «дикая, ненаселенная местность», церк.-слав. *trebiti* «корчевать, чистить, расчищать участок под пашню».

По мере развития происходит расширение семантики лексемы. Изначальное значение – «расчищенная от леса территория», «здание, дом» – развивается в значение «поселение, деревня». Главным экстралингвистическим фактором, обусловившим это семантическое преобразование, является оседлый образ жизни. С целью сделать свое проживание на обживаемой территории как можно более безопасным, стали селиться группами, так появилось значение «совместное пребывание некоторого количества людей на определенной территории», которое сопровождалось совместной деятельностью, в первую очередь земледелием, что отражает гот. *þaurp* «возделываемая земля».

А. Гуревич пишет о том, что в германских диалектах слово *двн., свн. dorf / dorp / Darp / thorp* означало как групповое поселение, так и отдельную усадьбу. Понятие «групповое поселение» развилось из понятия «усадьба». Ж. Ле Гофф также отмечает, что деревня пришла на смену разбросанным сельским поселениям античности и раннего Средневековья и распространилась в христианском мире начиная с XI века. Она родилась из скопления домов и земельных участков вокруг двух основных элементов – церкви и кладбища [Гуревич 1999: 56], [Ле Гофф 2007: 85-86].

Здесь, по мнению Ж. Ле Гоффа, мы встречаемся с глубинными характеристиками средневекового общества. Речь идет об отношениях между живыми и мертвыми. Одной из главных трансформаций, произошедших на Западе при переходе от античности к Средневековью, было то, что живые разместили мертвых в городах, а затем и в деревнях. Античный мир смотрел на мертвое тело со страхом и отвращением. Почитание мертвых осуществлялось в семейном кругу или вне пределов человеческих поселений; покойников часто хоронили вдоль дорог. Христианство все полностью меняет. Могилы с телами предков помещаются внутрь городского пространства. Средневековье еще больше укрепит тесные отношения между живыми и мертвыми [Ле Гофф 2007: 85-86].

Наличие в составе значения семы «пребывание в одном месте рядом с другими» подтверждается на уровне фразеологии устойчивым выражением *zu Dorf gehen*, которое обозначает «выходить в свет, в общество».

О том, что деревня вырастала в город, свидетельствуют многочисленные имена собственные, напр.: *Altdorf, Düsseldorf, Kirchdorf*.

Синонимами *двн., свн. dorf* выступают *wih* «деревня» и сложное слово *göubühel* «холм, территория, где располагалось поселение». Первый компонент слова *göubühel* восходит к *двн. gouwi*, *свн. göu* со значением «место совершения сакральных действий, место, где люди взывали к божеству (и.-е. **ghau* «кричать, звать») и совершали жертвоприношения» (др.-инд. *hu* «жертвоприношение»).

Именно в таком месте или в непосредственной близости от него селились люди. М.М. Маковский считает, что двн. *gewi*, *gouwi*, свн. *göu* могло также означать «огороженное место, принадлежавшее роду». Далее, принимая во внимание значение и.-е. **geu-* / **keu-* «гореть, жечь», М.М. Маковский предполагает, что племя, род, прежде чем поселиться на определенном месте, должен был выжечь лес, распахать освобожденную землю, огородить ее и построить жилище.

О том, что рассматриваемая лексема является репрезентантом концепта своего, свидетельствует др.-инд. *gaya* «дом (домашний очаг), двор, семья», др.-фризск. *gâ* «поселение», также арм. *gawar* «поселение, родной город», также **gaauja* «область поселения, совокупность поселений» (ср. нвн. *Rheingau, Allgäu*).

В том же значении, что и *dorf*, выступает двн. *wîlâri*, свн. *wîler* и производные от этой лексемы двн. *wîlârihhîn*, *wîlârlîn* «небольшая деревня, небольшое поселение» – от лат. *vîlla* «дом в сельской местности, (господское) поместье», лат. *vîllâre* «крестьянский двор», *villarîs* «принадлежащий поместью», ср. также лат. *vicus* «группа домов, поместье, деревня» (ЕWK). Именно большое имение (*villa*) становится в раннем Средневековье (в период перехода Европы, сильно урбанизированной в римскую эпоху, к сельскому образу жизни) базовой экономической и социальной ячейкой (вместо города (*urbs*)) [Ле Гофф 2007: 50-51].

Итак, судить о своем пространстве в широком значении, представленном в сознании формирующегося социума, нам позволяют выделенные на основе анализа семантических компонентов соответствующих лексем следующие КДП: «укрепление», «возвышенность», «защита», «групповое селение», «совместное проживание / нахождение членов одной социальной группы в одном месте», «совместная деятельность». На основе названного ряда КДП выводимы следующие ККП, параметры, положенные в основу категоризации своего пространства в

широком значении: «место расположения», «способ существования социума в пространстве», «функциональное назначение».

В средневековом христианском сознании теряют свою актуальность в содержании концепта своего пространства, рассматриваемого в широком значении, следующие, значимые более ранней эпохи КДП: «возвышенность», «групповое селение», «совместная деятельность». Возвышенность более не выполняет свою сакрально-магическую функцию, которая была ей присуща в дохристианский период, населяющие пространство люди необязательно занимаются деятельностью одного вида, а самое главное, речь уже более не идет о групповом селении, как «механической совокупности жителей одной территории», это – тесно сплоченный социум, отношения между его членами регулируются сводом законов и правил, принятых в этом коллективе.

Один из наиболее значимых экстралингвистических факторов восприятия человеком пространства – религия. В этом аспекте все пространство, окружавшее человека, можно было бы разделить для удобства анализа на профанное и **сакральное**.

Понятие сакрального и противопоставление сакрального и профанного распространилось в социальных науках около 100 лет назад, благодаря работам Э. Дюркгейма. А. Юбер и М. Мосс первыми стали употреблять слова «сакральное» и «профанное» как существительные, обозначающие два крайних полюса религиозных действий и религиозной мысли, связь между которыми обеспечивается жертвоприношением [Словарь 2007: 446]. Остановимся на рассмотрении сакрального.

В средневековом христианстве сакральное не было рассеяно (как в пантеистской или даже в политеистской модели); оно проявляло тенденцию к сосредоточению в *loci*, местах паломничества, храмах [Словарь 2007: 446].

В качестве репрезентантов ментального представления о сакральном пространстве выступают корневые, производные и сложные лексемы. Среди них – заимствования двн. *alah* «храм», *altar* «алтарь» и образованные от последнего двн. *altarhûs*, свн. *alterhûs*, *alterstein* «помещение алтаря».

Сакральным пространством у язычников считалось место совершения обряда жертвоприношения божеству. Оно располагалось либо в самой высокой точке на территории поселения или вблизи него, либо в самом центре поселения или на лесной поляне, напр. двн. *lôh* «священная роща, лес», также двн. *baro* «жертвенник» (ср. др.-англ. *bearu* «лес, поросль» и др.-герм. **barwa* «дерево», церк.-слав. *бор*). Это также двн. *wîh* «священное место», на котором позже появлялся храм – двн. *wîhhûs*. В этих местах в честь божества возводили специальное строение, называвшееся двн. *bluostarhûs*, *bluozhûs* также двн. *opfarhûs*, где располагался алтарь и совершался обряд жертвоприношения (двн. *opfartisc* нвн. *Opfertisch* – «жертвенник»). Первый компонент двн. *bluostarhûs* свидетельствует о том, что жертвоприношение было связано с кровью, второй – о том, что изначально считавшееся открытым, сакральное пространство становится замкнутым. Последнее увеличивает его сакральность, усиливая противопоставление «сакральный-профанный» вплоть до восприятия людьми сакрального как единственно правильного и пренебрежительного отношения к профанному.

Помещение, куда люди сходились для молитвы, описывалось в двн. лексемой *bita*, двн. *bethûs* / *gibethûs*, также *betabûr* и свн. *betstat*. Компоненты *-hûs* и *-bûr* также позволяют рассматривать пространство, наделенное сакральной функцией, как замкнутое.

Священным считалось не только замкнутое пространство храма (двн. *kirihha*, двн. *houbetkirche* «собор» – заимствование из поздн. греч. *kyrikon* «церковь, дом Божий»), но и открытое пространство вокруг. Но открытость этого пространства была относительна: в целях четкого разделения на профанное и сакральное пространство вокруг храма огораживают. Ограда – двн. *fridu*, свн. *fride* – как раз и выполняла такую дифференциально-защитную функцию. Огороженное пространство вокруг храма называлось двн. *frîthof*, свн. *vrîthof*. Так же именовалось огороженное пространство двора. Возможна параллель церкви (пространство замкнутое, свое для членов

одной социальной группы) и дома (пространство замкнутое, свое для отдельного человека), что позволяет рассматривать последний (дом) также как пространство, обладающее святостью, сакральностью, ср. свн. *vridehûs* «храм».

В качестве репрезентантов когнитивного признака «святость», «сакральность» своего пространства можно рассмотреть также двн. *tampal* (заимствование из лат. *templum*), двн. *monastar* (из вульг. лат. **monisterium* ← церк.-слав. **monasterium* «уединенное жилье» → «монастырь» ← греч. *monazein* «обособиться, жить одному» ← греч. *monos* «один»), кроме того, сложные лексемы с первым определяющим компонентом *got-* и его производной *abgot-*. В качестве определяемого компонента в таких сложных словах выступают основы двн. *-hûs*, *-stuol* (в значении «место»), *-rihhi*. Таким образом, двн. лексемы *goteshûs* / *abgothûs* / *abgot(es)stool* / *abgotrihhi*, а также свн. *vrônesal* (двн. *frôno* – «владение богов», свн. *vrôn* – «святой», «принадлежащий Богу» и «господский, принадлежащий мирскому господину») реализуют в языке ментальное представление о замкнутом, сакральном пространстве, обозначая храм язычников.

Семантические компоненты лексем, рассмотренных в качестве репрезентантов сакрального пространства, позволяют говорить о таких КДП в структуре концепта, как «возвышенность», «свой», «центр» «жертвоприношение» / «совершение обряда», «замкнутый», («огороженный»), «единственно правильный». Именно они представляют на ментальном уровне наиболее значимые для человека дохристианской эпохи свойства сакрального пространства.

Многие из названных лексем в результате диахронического развития стали редко употребляемыми или вовсе оказались забытыми, как напр. двн. *abgothûs* / *abgot(es)stool* / *abgotrihhi*, поскольку они, описывая языческий храм, утратили свою актуальную значимость в христианскую эпоху. Вместе с христианской религией в язык пришло много греческих (двн. *kirihha*) и латинских заимствований (двн. *tampal*, *monastar*), вытеснивших

синонимичные германские лексемы (*wīhhûs*, *bluozhûs*, *opfarhûs*). С принятием христианской религии сакральное пространство перестало ассоциироваться с возвышенностью, центром, в качестве такового рассматривалось пространство храмов, церквей, монастырей и т.п.

Список литературы

1. *Бабушкин, А. П.* Типы концептов в лексико-фразеологической системе языка. – Воронеж: Из-во Ворон. госуд. ун-та, 1996. – 104 с.
2. *Болдырев, Н. Н.* Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научн. изд./ под ред. И.А. Стернина. – Воронежский гос. ун-т, 2001. – С. 25-36
3. *Воркачев, С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт. – М, 2004
4. *Воротников, Ю. Л.* Врожденные концепты, семантические кварки и смыслы // Филологические науки. – 2007. № 3. – С. 47-52
5. *Выходцева, И. С.* Концепт «свой-чужой» в советской культуре (20-30 –е гг.) : дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2006. – 187 с.
6. *Гамкрелидзе, Т. В., Иванов, Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. (Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры). – Тбилиси. Из-во Тбилисского университета, 1984. Т.2. – 1328 с.
7. *Гуревич, А. Я.* Избранные труды. В 4 – х. Том 1. Древние германцы. Викинги. – М.-СПб. : Университетская книга, 1999. – 360 с.
8. *Карасик, В. И.* Концепт как категория лингвокультурологии // Известия Волгоградского педагогического университета. Серия филологические науки. – 2002. №1. – С. 14-23
9. *Кубрякова, Е. С., Демьянков, В. З.* К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. № 4. – С. 8-16.
10. *Ле Гофф, Ж* Рождение Европы / Серия «Становление Европы». – СПб. : «Александрия», 2007. – 398 с.

11. *Лотман, Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 464 с.
12. *Лотман, Ю. М.* Семиосфера. – С.-Петербург : «Искусство – СПб», 2000. – 704 с.
13. *Маковский, М. М.* Этимологический словарь современного немецкого языка. Слово в зеркале человеческой культуры. – М. : Изд-во «Азбуковник», 2004. – 630 с.
14. *Маслова, В. А.* Введение в когнитивную лингвистику: Учебное пособие / В.А. Маслова. – М. : Флинта: Наука, 2004. – 296 с.
15. *Попова, З. Д.* Когнитивная лингвистика / З. Д Попова, И. А Стернин. – М. : Восток-Запад, 2007. – 314 с
16. *Рахманова, Н. И., Цветаева, Е. Н.* Реализация концептуального содержания языковых единиц в диахронии / Вестник МГЛУ. Выпуск 482. М. 2004. – С. 130-151
17. *Степанов, Ю. С.* Константы: словарь русской культуры. – М. : Академический Проект, 2001. – 992 с.
18. *Топорова, Т. В.* Семантическая структура древнегерманской модели мира. – М. : Радикс, 1994. – 192 с.
19. *Цивьян, Т. В.* Модель мира и ее лингвистические основы. – М. : Ком Книга, 2005. – 280 с.
20. *Döbler, H.* Die Germanen. Legende und Wirklichkeit von A bis Z / Ein Lexikon zur europäischen Frühgeschichte. – Tübingen : Bertelsman Lexikon Verlag, 1975. – 320 S.
21. *Grimm, J.* Deutsche Altertumskunde. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1974. – 187 S.
22. *Nolte, C.* Familie, Hof und Herrschaft // Das verwandtschaftliche Beziehungs- und Kommunikationsnetz der Reichsfürsten am Beispiel der Markgrafen von Brandenburg-Ansbach. – Tübingen : Jan Thorbecke Verlag, 2005. – 472 S.

23. Siedlungs- und Kulturgeschichte der Rheinlande von der Urzeit bis in das Mittelalter. II Band: die römische Periode // Karl Schuhmacher. – Mainz, 1923. – 362 S.

24. *Uslar, R.* Germanische Sachkultur in den ersten Jahrhunderten nach Christus. – Wien; Köln : Böhlau Verlag, 1975. – 116 S.

Список использованных словарей

1. *Словарь средневековой культуры* / Под ред. А.Я. Гуревича. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 624 с.
2. *Baufeld, C.* Kleines frühneuhochdeutsches Wörterbuch. Lexik aus Dichtung und Fachliteratur des Frühneuhochdeutschen. – Tübingen. : Max Niemeyer Verlag, 1996. – 264 S.
3. *Döbler, Hansferdinand* Die Germanen. Legende und Wirklichkeit von A bis Z / Ein Lexikon zur europäischen Frühgeschichte. Bertelsman Lexikon Verlag, 1975. – 320 S.
4. *Duden.* Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. Bd. 7. Dudenverlag. 2001. – 960 S.
5. *Hennig, B.* Kleines Mittelhochdeutsches Wörterbuch. – Tübingen. : Max Niemeyer Verlag, 2001. – 503 S.
6. *Kluge, F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. – Berlin; New York. : Walter de Gruyter, 2002. – 1023 S.
7. *Paul, H.* Deutsches Wörterbuch. – Halle. : Max Niemeyer Verlag, 1959. – 782 S.
8. *Schützeichel, R* Althochdeutsches Wörterbuch. – Tübingen. : Max Niemeyer Verlag, 2006. – 443 S.

Список используемых сокращений источников

1. (DHW) – Duden. Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. Bd. 7. Dudenverlag. 2001.
2. (DRW) – Deutsche Rechtsregeln und Rechtssprichwörter / Lexikon. Herausgegeben von Ruth Schmidt-Wiegand unter Mitarbeit von Ulrike Schowe. Verlag C.H. Beck 1996.

3. (DWG) – Grimm J. und W. Deutsches Wörterbuch. Leipzig: Verlag von s. Hirzel. 16 Bde. 1854 – 1971
4. (DWP) – Paul, Hermann Deutsches Wörterbuch. Max Niemeyer Verlag, Halle (Saale), 1954.
5. (EWK) – Kluge, Friedrich Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin, 2002.
6. (LRA) – Lexikon der Redensarten / hrsg. von Klaus Müller Bertelsman Lexikon. 1992.
7. (PWB) – Jesko Friedrich Phraseologisches Wörterbuch der mittelhochdeutschen Redensarten, Sprichwörter und andere feste Wortverbindungen in Texten von 1050-1350. Max Niemeyer Verlag Tübingen 2006.
8. (SWL) – Horst und Annelies Beyer Sprichwörterlexikon. Sprichwörter und sprichwörtliche Sammlungen vom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart. Verlag C.H. Beck München. 1985.